

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ
ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ
В СЕРИИ
«БОЛЬШОЙ РОМАН»

ЯПОНСКИЙ ЛЮБОВНИК
ПО ТУ СТОРОНУ ЗИМЫ
У КРОМКИ МОРЯ УЗКИЙ ЛЕПЕСТОК

ИСАБЕЛЬ
АЛЬЕНДЕ

У КРОМКИ
МОРЯ
УЗКИЙ
ЛЕПЕСТОК

РОМАН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Чил)-44
А 56

Isabel Allende
LARGO PÉTALO DE MAR
Copyright © Isabel Allende, 2019
All rights reserved

Перевод с испанского Аллы Борисовой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18814-3

© А. К. Борисова, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

У КРОМКИ МОРЯ УЗКИЙ ЛЕПЕСТОК¹

---

¹ Часть начальной строки стихотворения Пабло Неруды «О Чили, у кромки моря узкий лепесток, когда, когда, / когда вновь обрету тебя...», написанного в эмиграции в 1950-е гг. (Здесь и далее примеч. перев.)

*Моему брату Хуану Альенде,
Виктору Пею Касадо
и прочим мореплавателям надежды*

...взгляни, чужеземец,
на мое отечество,
здесь я родился, здесь сны мои живут.

*Пабло Неруда¹, «Возвращение»,
из книги «Плавания и возвращения»*

---

¹ *Неруда Пабло* (1904–1973) — выдающийся чилийский поэт, дипломат и общественный деятель.

Часть первая

ВОЙНА И ИСХОД

I

1938

И снова, юноши,
готовьтесь убивать,
и умирать, и землю устилать
кровавыми цветами.

*Пабло Неруда,
«Кровавой сделалась земля людей»,
из книги «Море и колокола»*

Солдатик был из «детского» призыва, названного так, поскольку среди населения ни юношей, ни взрослых мужчин уже не оставалось, и для Виктора Далмау этот мальчишка ничем не отличался от прочих раненых, которых выносили из товарного вагона и складывали, словно дрова, прямо на цементный пол Северного вокзала; следовало торопиться, вот-вот должны были подойти машины, и всех раненых предстояло развезти по госпиталям Восточной армии. Однако Виктор действовал неторопливо; на лице его застыло выражение человека, повидавшего столько, что уже ничто не могло его тронуть. Кто знает, сколько еще раз придется ему перекладывать раненых с носилок на носилки, пока поезд тащится от одной станции до другой, от одной медицинской палатки до другой, прежде чем дойдет наконец до Каталонии. На вокзале врачи и их помощники незамедлительно направляли тяжелораненых в больницы, а остальных классифицировали по характеру ранения: А — в руку, Б — в ногу, В — в голову и далее по алфавиту, чтобы затем определить в соответствующие пункты назначения, и каждому вешали на шею табличку

У кромки моря узкий лепесток

с именем и фамилией. Раненые прибывали сотнями; на постановку диагноза и решение вопроса о том, что необходимо предпринять в том или ином случае, отводилось лишь несколько минут, однако показаться, что кругом царит неразбериха и хаос, могло только на первый взгляд. Ни одного человека не забыли и не потеряли. Тех, кому требовалась операция, отправляли в госпиталь Сант-Андреу в Манресе, кто нуждался в лечении — в иные медицинские учреждения, а кого-то оставляли здесь же, потому что их уже не спасти. Санитарки из числа добровольцев смачивали им губы, что-то нашептывали, словно убаюкивая, и каждая надеялась, что где-то в другом месте какая-то женщина точно так же поддержит ее мужа или брата. А потом появлялись носильщики и перетаскивали тела умерших туда, где складировали трупы.

У солдатика в груди зияла дыра; бегло осмотрев раненого и едва нащупав у него пульс, врач решил, что тому больше уже ничто не потребуется — ни морфий, ни утешение. Рана на его лбу была обмотана лоскутом ткани и прикрыта перевернутым блюдцем из латуни, видимо в качестве защиты, чтобы не задела, а грудь забинтована, однако сколько со времени этой перевязки прошло часов или дней, а может, и поездов, — кто знает.

Работа Далмау состояла в том, чтобы выполнять поручения врачей; он был обязан подчиниться приказу — оставить мальчика и заняться следующим раненым, но Виктор подумал, что если парень пережил шок после такой травмы, не умер от кровопотери и сумел добраться до этого вокзального перрона, то он, по всей вероятности, обладает огромной волей к жизни, и будет очень жаль, если он сдастся смерти в последний момент. Виктор осторожно отодвинул бинты и с удивлением обна-

Часть первая. Война и исход

ружил под ними на груди мальчика открытую рану, такую чистую, словно нарисованную. Невозможно объяснить, каким образом частицы поломанных ребер и поврежденной грудины не погребли под собой сердце. Гражданская война в Испании шла уже почти три года, и Виктор, впервые попавший в медчасть еще санитаром на фронтах Мадрида и Теруэля, а позже переброшенный в эвакуационный госпиталь в Манресе, полагал, что за это время видел все возможное и невозможное и что у него выработался иммунитет к чужому страданию, однако наблюдать за живым бьющимся сердцем ему прежде не доводилось. Словно замороженный, он смотрел, как его пульсация становилась все медленнее и медленнее, пока оно наконец не замерло совсем и мальчик не испустил дух без единого сто-на. Несколько секунд Далмау неотрывно глядел на красную дыру, внутри которой находилось затихшее сердце. Позднее эти мгновения не раз возвращались к нему в воспоминаниях о войне, повторяясь снова и снова: безбородый мальчишка пятнадцати-шестнадцати лет, весь в грязи и запекшейся крови, лежит на соломенной подстилке, и в открытой ране у него на груди видно его сердце. Виктор так никогда и не смог объяснить себе, почему в тот миг он просунул три пальца правой руки в ужасную рану, обхватил замершее сердце ладонью и несколько раз ритмично сжал его, спокойно и уверенно, как никогда не смог вспомнить, сколько прошло времени — полминуты или вечность, прежде чем он вдруг почувствовал, что сердце мальчика ожило под его пальцами: сначала едва ощутимо дрогнуло, а потом забилося сильно и ритмично.

— Парень, если бы я не видел собственными глазами... ни за что бы не поверил, что такое возможно, — потрясенно произнес один из врачей; он

У кромки моря узкий лепесток

стоял рядом с Виктором, но тот даже не заметил, когда именно подошел доктор.

Врач крикнул санитарам, чтобы принесли носилки, и распорядился немедленно доставить юного солдата в медпункт, поскольку это был совершенно особенный случай.

— Где вы этому научились? — спросил он Далмау, как только санитары погрузили солдатика на носилки; лицо у того было землистого цвета, но пульс прослушивался.

Будучи человеком немногословным, Виктор Далмау в двух фразах объяснил, что, прежде чем попасть на фронт санитаром, он три года изучал медицинские науки в Барселоне.

— Где вы этому научились? — повторил свой вопрос доктор.

— Нигде, просто я подумал, что все равно уже нечего терять...

— Я смотрю, вы хромаете.

— Левое бедро. В Теруэле. Сейчас уже зажило.

— Ладно. С этой минуты будете работать со мной. Здесь вы только теряете время. Как вас зовут?

— Виктор Далмау, товарищ.

— Никаких товарищей. Зовите меня «доктор», и не вздумайте мне тыкать. Договорились?

— Договорились. Но и от вас прошу того же. И называйте меня сеньор Далмау, для остальных товарищей это будет потрясением.

Врач чуть улыбнулся. На следующий день Виктор начал работать в стационаре, что и определило его судьбу.

Вскоре вместе с остальным персоналом госпиталя Сант-Андреу и других госпиталей он узнал, что группа хирургов за шестнадцать часов воскресила юного мертвеца и из операционной его вывез-

Часть первая. Война и исход

ли живым. «Случилось чудо», — считали многие. «Достижения науки и лошадиное здоровье парня», — парировали те, кто не слишком уповал на Господа Бога со всеми его святыми. Виктор собирался навестить солдатика, однако в окружающей суете это оказалось невозможно, а потом он устал вести счет встречам и расставаниям с теми, кто был рядом, и теми, кто навсегда исчезал из поля его зрения, и живым, и мертвым. На какое-то время ему показалось, он позабыл о том, как у него в руке билось живое сердце: жизнь стала слишком сложной, порой невыносимой, столько проблем требовало срочного решения, но годы спустя, когда Виктор уже жил на противоположной стороне земли, он часто видел того мальчика в ночных кошмарах. В этих снах солдатик являлся ему бледный и печальный, а его переставшее биться сердце неподвижно лежало на металлическом подносе. Виктор забыл, а может, никогда и не знал имени этого парня, и по очевидным причинам называл его Лазарем. Зато юный солдат никогда не забывал своего спасителя. Едва он немного оправился, смог сидеть и самостоятельно пить воду, ему рассказали о подвиге одного медбрата, некоего Виктора Далмау, который вернул его с того света. Солдатика засыпали вопросами: всем хотелось знать, действительно ли существуют святыне Небеса и ад или это выдумали священники, чтобы нагнать на людей страху. Парень выздоровел еще до конца войны, а через два года в Марселе сделал татуировку на груди, как раз под шрамом: «Виктор Далмау».

Молоденькая девушка из ополченцев в лихо надетом набекрень берете — вероятно, для того, чтобы смягчить строгость военной формы, — ждала Виктора у дверей операционной. Когда он

У кромки моря узкий лепесток

вышел, с трехдневной щетиной, в перепачканном кровью халате, — девушка протянула ему сложенный вдвое листок с телефонным сообщением. Далмау много часов провел на ногах, рана на бедре ныла, а урчание в животе напомнило, что он ничего не ел с раннего утра. Он работал как вол, но благодарил судьбу, давшую ему возможность оказаться рядом с лучшими хирургами Испании и учиться у них профессии. При иных обстоятельствах студент вроде него даже приблизиться к ним не мог бы, но в это время ученость и звания значили куда меньше, чем практический опыт, которого у Виктора было хоть отбавляй, как верно рассудил главный врач госпиталя, разрешивший ему ассистировать себе во время операций. Порой Далмау проводил в госпитале по сорок часов без перерыва, поддерживая силы табаком и кофе пополам с цикорием и стараясь не обращать внимания на боль в ноге. Из-за полученного ранения Виктора демобилизовали, и теперь ему приходилось воевать в тылу.

Он вступил в армию Республики в 1936 году, как сделали почти все юноши его возраста, и вместе со своим полком участвовал в битвах за Мадрид, занятый националистами, как называли себя те, кто поднял мятеж против правительства. Виктор вытаскивал раненых и убитых с поля боя, там, с его медицинскими познаниями, он был гораздо полезнее, чем в окопе с винтовкой в руках. Потом его перебросили на другой фронт.

В декабре 1937 года, во время боев за Теруэль, в страшный холод, Виктор Далмау оказывал первую помощь раненым в передвижном медпункте; вел машину по узким дорожкам среди развалин неугомонный баск по имени Айтор Ибарра; он непрестанно либо что-то напевал, либо рассказывал

Часть первая. Война и исход

анекдоты, подшучивая над смертью. Виктор верил в то, что счастливая звезда баска, без единой царапины вышедшего из тысячи передраг, сохранит их обоих. Чтобы не попасть под обстрел, они передвигались по ночам; если ночь выдавалась безлунной, кто-то из санитаров шел впереди с фонарем, показывая Айтору дорогу, если таковая вообще была, в то время как Виктор теми малыми средствами, которые у него имелись под рукой, внутри машины спасал людей при свете другого фонаря. Бросая вызов опасностям и морозам — температура держалась намного ниже нуля, — они пробирались вперед медленно, словно черепаха на льду, то утопая в снегу и толкая машину, чтобы преодолеть сугроб, то вытаскивая ее из ямы, оставшейся от взрыва снаряда, то объезжая торчавшие повсюду куски железа и окаменевшие трупы мулов, и все это — под пулеметным обстрелом очередной банды националистов или под бомбами Легиона Кондор, сбрасывавшего их на бреющем полете. Виктор Далмау, целиком поглощенный спасением раненых, не отвлекаясь ни на что, поддерживал жизнь в людях, на глазах истекавших кровью, переняв свой сумасшедший стоицизм от неунывающего Айтора Ибарры, который преспокойно вел машину вперед, то и дело отпуская шутки.

С передвижного медпункта Виктора перевели в полевой госпиталь, устроенный в одной из пещер недалеко от Теруэля, где врачи оперировали при свечах, керосиновых лампах или при свете пропитанных машинным маслом обрывков веревочного шнура. Сражались с холодом, устанавливая жаровни под операционным столом, но инструменты все равно порой примерзали к рукам. Врачи быстро оперировали тех, кого могли подлатать, прежде чем

У кромки моря узкий лепесток

отправить в городские медицинские центры, зная, однако, что многие умрут по дороге. Тем же, кому уже ничем нельзя было помочь, в ожидании смерти давали морфий, если таковой имелся, всегда очень малыми дозами; точно так же экономили эфир. Когда же и то и другое заканчивалось, Виктор давал тяжелораненым, стонавшим от страшной боли, аспирин, уверяя, что это сильнодействующий американский наркотик. Перевязочный материал стирали с помощью талого снега и льда и снова пускали в дело. Самой ужасной обязанностью в госпитале для Виктора стало сжигание на костре ампутированных рук и ног. Виктор так и не смог привыкнуть к запаху горящей плоти.

Там, в Теруэле, он снова встретил Элизабет Эйденбенц, с которой познакомился на Мадридском фронте, где она на добровольных началах работала в Комитете помощи детям войны. Эта медсестра из Швейцарии, двадцати четырех лет, отличалась лицом Непорочной Девы эпохи Возрождения и храбростью закаленного в боях партизана, и там, в Мадриде, Виктор почувствовал, что почти влюблен в нее, и влюбился бы окончательно, если бы она хоть раз проявила пусть даже самый маленький признак взаимного расположения, но ничто не могло отвлечь эту девушку от ее миссии — облегчать страдания детей в эти тяжелые времена. Еще до знакомства с Виктором, почти сразу после того, как оказалась в Испании, Элизабет утратила изначальную наивность. Она ожесточилась в борьбе с военной бюрократией и тупостью мужчин: все сострадание и нежность она берегла для женщин и детей, вверенных ее заботам. В перерыве между двумя вражескими атаками Виктор столкнулся с ней у грузовика, развозившего съестные припасы.

Часть первая. Война и исход

— Эй, парень, ты меня помнишь? — окликнула его Элизабет на испанском языке, сильно разбавленном гортанными звуками ее родного немецкого.

Виктор не сразу узнал ее, но, увидев, потерял дар речи. Ему показалось, девушка повзрослела и стала еще красивее; оба сели на кусок бетона рядом с кучей строительного мусора, он — покурить, она — глотнуть чаю из фляжки.

— Как дела у твоего друга Айтора? — спросила Элизабет.

— Все так же, всегда под обстрелами и без единой царапины.

— Ничто его не берет. Передавай ему привет.

— Что ты думаешь делать, когда война закончится? — спросил Виктор.

— Отправиться на другую. Где-нибудь всегда идет война. А ты?

— Если ты не против, давай поженимся, — вдруг сказал он, запинаясь от смущения.

Она рассмеялась и на секунду сделалась похожей на нежную барышню старинных времен.

— Не сходи с ума, парень, я не собираюсь выходить замуж ни за тебя, ни за кого другого. У меня нет времени на любовь.

— Вдруг ты когда-нибудь передумаешь? Как считаешь, мы еще увидимся?

— Конечно, если будем живы. Можешь рассчитывать на меня, Виктор. Если тебе понадобится помощь...

— Взаимно. Можно тебя поцеловать?

— Нет.

В пещерах Теруэля Виктор закалил нервы и приобрел медицинские знания, которых ему не дал бы ни один университет. Он пришел к выводу, что при-

У кромки моря узкий лепесток

выкнуть можно почти ко всему: к крови — а крови было так много! — к хирургическим операциям без анестезии, к запаху гангрены, к грязи, к бесконечному потоку раненых солдат, среди которых иногда попадались женщины и дети, к смертельной усталости, разрушавшей волю, и, что самое ужасное, к предательскому подозрению, что все эти жертвы могут оказаться напрасными. Случилось так, что, когда Виктор после очередной бомбежки вытаскивал из развалин раненых и мертвых, его накрыло запоздалым снарядом и перебило ему левое бедро. Его нашел врач-англичанин из Интернациональной бригады. Какой-нибудь другой хирург срочно ампутировал бы ему ногу, но англичанин только что заступил на смену после нескольких часов отдыха. На ломаном английском он отдал распоряжения медсестре и приготовился восстанавливать раздробленную кость.

— Тебе повезло, парень, вчера прибыли поставки из Красного Креста, так что ты сейчас уснешь, — проговорила медсестра, прикладывая к его лицу маску, смоченную эфиром.

Виктор считал, что несчастный случай произошел с ним потому, что в момент обстрела рядом не оказалось Айтора Ибарры с его счастливой звездой, который и доставил своего приятеля после операции к поезду, увозившему раненых в Валенсию. Из-за открытой раны наложить Виктору гипс было нельзя, ногу зафиксировали шинами из досок, привязанных бинтами, укрыли его плюшевым одеялом, но того все равно трясло от холода и лихорадки, а каждый толчок поезда причинял такую боль, словно его пытали. И все-таки Виктор был благодарен судьбе, ведь большинство тех, кто ехал с ним в одном вагоне, находились в еще более тя-

Часть первая. Война и исход

желом состоянии. Айтор отдал ему свои последние сигареты и дозу морфия, порекомендовав использовать его только в случае крайней необходимости.

В Валенсии врачи поздравили Виктора с удачной операцией, проведенной английским хирургом; если не возникнет осложнений, нога будет как новенькая, только чуть короче, чем правая, сказали ему. Как только рана зарубцевалась и он смог держаться на ногах с помощью костыля, его в гипсе переправили в Барселону. Он оставался в доме родителей, проводя нескончаемые шахматные турниры с отцом до тех пор, пока не смог ходить самостоятельно. Тогда он вернулся к работе в городской больнице, принимавшей гражданских пациентов. По сравнению с тем, что ему приходилось испытывать на фронте, такая жизнь походила на отпуск: кругом райская чистота и эффективное лечение. Здесь он пробыл до весны, когда его командировали в госпиталь Сант-Андреу в Манресе. Виктор простился с родителями и с Росер Бругерой, студенткой консерватории, которую когда-то приютили в родительском доме; пока он выздоравливал, то привык к ней как к сестре. Это была скромная и приятная девушка, часами игравшая на пианино; Марсель Льюис и Карме Далмау чрезвычайно нуждались в ее обществе после того, как их собственные дети покинули дом.

Виктор Далмау развернул листок бумаги, протянутый ему девушкой в форме, и прочел сообщение от Карме, его матери. Он не виделся с ней почти два месяца, несмотря на то что госпиталь находился всего в шестидесяти пяти километрах от Барселоны, потому что у него не было ни единого свободного дня, чтобы съездить домой. Раз в не-

У кромки моря узкий лепесток

делю, каждое воскресенье, в одно и то же время Карме звонила ему и тогда же присылала какой-нибудь гостинец: шоколадку из запасов Интернациональных бригад, колбасу или кусок мыла с черного рынка, а иногда и сигареты, которые для нее, заядлой курильщицы, являлись настоящим сокровищем. Иногда сын спрашивал, где она их раздобыла. Табак в то время считался такой ценностью, что вражеские самолеты сбрасывали его на землю наряду с ковригами хлеба из грубой муки, дабы все могли сравнить неувядающее изобилие, царившее в лагере националистов, с тотальным голодом республиканцев.

Записка от матери, посланная в четверг, могла означать только что-то очень срочное: «Буду на телефонной станции. Позвони». Нетрудно сосчитать, что Карме ждала звонка от сына уже около двух часов, — все это время он провел в операционной, пока ему не вручили сообщение. Он спустился в подвал, где находилась администрация госпиталя, и попросил телефонистку соединить его с Барселоной.

Карме взяла трубку и прерывавшимся из-за приступов кашля голосом велела Виктору направляться домой, так как его отцу осталось жить совсем мало.

— Но что произошло? Он же был вполне здоров! — воскликнул Виктор.

— Сердце у него долго не выдержит. Сообщи своему брату, чтобы тоже приехал попрощаться с отцом, он может покинуть нас в любой момент.

Чтобы разыскать Гильема на Мадридском фронте, ушло тридцать часов. Когда их наконец соединили по радиосвязи, брат сквозь треск электрических разрядов и колебания космических волн объяснил ему, что он никак не сможет добыть разрешение

Часть первая. Война и исход

съездить в Барселону. Голос у Гильема был такой далекий и усталый, что Виктор его не узнал.

— Каждый, кто может держать в руках оружие, сейчас необходим на фронте, Виктор, сам знаешь. Фашисты намного превосходят нас и людьми, и оружием, но они не пройдут, — сказал Гильем, повторив знаменитую фразу Долорес Ибаррури¹, которую за способность пробуждать пламенный энтузиазм в сердцах республиканцев люди прозвали *Пассионария*².

Мятежные войска заняли бóльшую часть территории Испании, однако не могли взять Мадрид, отчаянно сражавшийся за каждую улицу, за каждый дом и ставший символом войны. Поговаривали, что на стороне мятежников воюет колониальная армия Марокко с ее устрашающими маврами, а также о том, что огромную помощь националистам оказывают Муссолини и Гитлер, однако сопротивление республиканцев остановило их на подступах к столице.

В начале войны Гильем Далмау оборонял Мадрид в составе Колонны Дуррути³. В те дни обе противоборствующие армии сражались на территории Университетского городка в такой близости друг от друга, что порой их разделяла только ширина улицы; каждый видел противника в лицо и мог осыпать его оскорблениями, даже не особенно повышая голос. Гильем, занявший позицию в одном из университетских зданий, рассказывал, что

---

¹ *Долорес Ибаррури* (1895–1989) — выдающийся деятель международного и рабочего движения Испании.

² *Пассионария* — страстная, пламенная (*исп.*).

³ *Буэнавентура Дуррути* (1896–1936) — общественно-политический деятель Испании в период Гражданской войны 1936–1939 гг., лидер движения анархистов, в начале войны воевавший на стороне Республики.

У кромки моря узкий лепесток

снаряды гаубиц пробили стены факультета философии и литературы, медицинского факультета и Дома Веласкеса; не было никакой возможности укрыться от обстрелов, зато опытным путем он доказал, что спасти от пули могут три тома трудов по философии. Гильему случилось оказаться рядом с легендарным анархистом Буэнавентурой Дуррути в минуту его кончины; тот собрал значительные революционные силы в провинции Арагон, а затем с частью своей Колонны прибыл в Мадрид для поддержки республиканцев. Дуррути был ранен в грудь; в него выстрелили в упор при невыясненных обстоятельствах. Колонну почти полностью уничтожили, погибло более тысячи ополченцев, и среди немногих выживших Гильем оказался чуть ли не единственным, кто даже не был ранен. Два года после этого он сражался на разных фронтах, а потом получил назначение вернуться в Мадрид.

— Отец поймет, если ты не сможешь приехать, Гильем. Мы будем думать, что ты с нами. Приедешь когда сможешь. Даже если ты не увидишь отца живым, для матери твой приезд станет огромным утешением.

— Я думаю, Росер сейчас с ними.

— Да.

— Передавай ей привет. Скажи, что ее письма всегда со мной, и пусть она простит меня, что я не отвечаю ей сразу же.

— Мы ждем тебя, Гильем. Береги себя.

Они попрощались, и Виктор почувствовал комок в горле, он молился, чтобы отец не умер сейчас, чтобы брат вернулся домой целым и невредимым и чтобы война окончилась победой Республики.

Альенде И.

А 56 У кромки моря узкий лепесток : роман / Исабель Альенде ; пер. с исп. А. Борисовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18814-3

В названии своего нового романа «У кромки моря узкий лепесток» Исабель Альенде использовала строку Пабло Неруды. И это не случайно, ведь великий чилийский поэт и дипломат — один из важных персонажей книги, он помогает героям романа хирургу Виктору Далмау и пианистке Росер, а также тысячам беженцев выбраться из ада, когда под разрывами снарядов Гражданской войны «кровавой сделалась земля людей», земля Испании. Но кто знает, как сложатся судьбы этих потерявших все людей на новой родине?.. Что ждет их на этой узкой полосе земли между горными ледниками Анд и Тихим океаном?

УДК 821.134.2(8)

ББК 84(7Чил)-44

Литературно-художественное издание

ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ
У КРОМКИ МОРЯ
УЗКИЙ ЛЕПЕСТОК

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Ирина Тарасенко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Татьяна Бородулина, Валентина Гончар

Подписано в печать 16.12.2020. Формат издания 84 × 90 ^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-SMN-27454-01-R